

Мария ГАЙДУК

Первое звено в формировании музыканта-профессионала: специальная музыкальная школа-«десятилетка» при Санкт-Петербургской государственной консерватории

... Человек порой может не помнить некоторых учителей, которые так или иначе оказывались на его пути познания, но своего самого первого учителя он помнит непременно. А если этот первый учитель — учитель музыки...

На свете существуют три самые трудные вещи, которые по сложности и по огромной ответственности не уступают друг другу — учить, лечить и судить людей. Потому, когда маленький ребенок, открытый всему новому, приходит в музыкальную школу, важно, чтобы в этот самый момент рядом с ним оказался человек, который сумел бы направить его по верному пути; сумел бы не только увлечь, не испугать, но и увидеть его уже как личность, распознать талант и развить все заложенное в нем природой, а не заложенное — превратить в его творческую индивидуальную особенность (как говорил один мудрый человек: «Нужно научиться превращать свои недостатки в свои же достоинства»).

Все иначе в консерватории. Конечно момент выбора верного пути, влияние на мироощущение воспитанника — все это остается, но известно, что ребенка в полной мере должно воспитывать до достижения им 12 – 13-летнего возраста, позже — только влиять, корректировать, иногда довольно успешно, но полностью изменить то, что было сформировано за первое десятилетие человеческой жизни, очень сложно. Поэтому, когда музыкант приходит в консерваторию — он уже артист, пусть еще совсем молодой и не очень опытный, но артист. У него уже сложились представления об исполнении произведений того или иного композитора, он приходит уже с опре-

деленным запасом знаний, умений и навыков, точно алмаз — он представляет собой благодатный материал для изготовления бриллианта. Но до этого, до получения такой драгоценности, был проделан огромный путь, длиной в целую маленькую жизнь.

Как много лауреатов, блестящих и виртуозных исполнителей, талантливых и гениальных композиторов и дирижеров вышло из стен консерватории. Но, характерно, что значительная часть этих, ныне признанных во всем мире музыкантов была готова покорить свои первые музыкальные вершины уже в музыкальной школе-десятилетке при Ленинградской консерватории. Дирижер Юрий Темирканов, скрипачи Борис Гутников и Владимир Спиваков, Михаил Гантварг и Сергей Стадлер, валторнист Виталий Буяновский и виолончелист Анатолий Никитин, композиторы Сергей Слонимский и Валерий Гаврилин — лишь малая часть огромного списка имен воспитанников десятилетки.

Консерватория — это последняя ступень на пути к высшему мастерству и свободному творческому плаванию. Последняя ступень огромной невидимой лестницы, первые шаги по которой маленький музыкант делает в музыкальной школе. И вот там-то и происходят все чудеса. Такой «школой чудес», «маленькой консерваторией» называют Школу-Десятилетку при Санкт-Петербургской (Ленинградской) государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова.

Формально, музыкальная школа при СПбГК, известная также как «Десятилетка», начала существовать с начала 30-х годов, а именно — с тех пор, как обрела свои собственные стены в Матвеевом переулке, где и находится по сей день. Но фактически она появилась гораздо раньше, наверное, одновременно с открытием самой консерватории, поскольку в то время система консерваторского обучения значительно отличалась от нынешней — учеников тогда принимали с самого малого возраста (так, к примеру, маленького Серёжу Прокофьева, или Яшу Хейфеца родители привели обучаться музыкальным наукам именно в консерваторию), и сначала ее вовсе не отделяли от консерватории в самостоятельное образовательное учреждение. Дети могли придти туда лет в семь, а выйти уже двадцатилетними взрослыми людьми. Чуть позже, находившаяся все еще в здании консерватории Десятилетка обрела свое имя и стала существовать как самостоятельная единица, ну а в 30-е годы к уже имевшемуся имени добавился и собственный «дом». Правда, кроме самой десятилетки в этом здании находилась еще и музыкальная школа семилетка, музыкальное училище, и интернат, в котором жили ее воспитанники и некоторые профессора. Сохранились живые и яркие воспоминания об этом интернате, как о настоящей «школе жизни», одного из воспитанников десятилетки — Марка Белодубров-

ского: «... за стеной слышались звуки фортепиано. Там живет профессор консерватории Бузе. Все это второй этаж. На третьем — девочки. На четвертом живет семья Таймановых — родственники знаменитого шахматиста (и пианиста) Марка Тайманова, напоминающие о себе регулярно разжигаемой керосинкой. Рядом с ними восьмиметровая клетушка, где живет кастелянша интерната Ева Абрамовна со своим сыном — будущим лауреатом первой премии конкурса имени Чайковского — Борисом Гутниковым». Здесь же, среди других воспитанников мы узнаем в «шаловливом подростке» и будущего маэстро Юрия Темирканова.

Для самих воспитанников Десятилетка была «институтом кумиров». В ней преподавали не просто учителя музыки. Ведущие профессора консерватории имели свой класс в школе-десятилетке, и не просто учеников, но целую творческую мастерскую. Нередко, желая воспитать единое музыкантское мироощущение, привить свою школу исполнительского мастерства, они вели своих учеников от школы до окончания консерватории на протяжении всего их обучения.

Но были, и до сих пор есть педагоги, которые никогда не работали в консерватории и всю жизнь посвятили именно воспитанию и обучению детей, и достигли не меньших, чем первые, а порой и больших результатов. Бывали случаи, когда лауреатами первой премии конкурса Чайковского становились музыканты, на тот момент еще учившиеся в последнем классе десятилетки, или студенты первого курса консерватории, только закончившие десятилетку. Странно, что в последнем случае, при написании имени лауреата, в скобках пишут только имя преподавателя консерватории, и нигде — преподавателя десятилетки, который собственно и проделал всю «черную» работу, особенно если учесть тот факт, что к моменту получения премии время обучения в консерватории сводилось лишь к нескольким месяцам. Не умаляя заслуг и достижений преподавателей и профессоров консерватории, хотелось бы лишь поправить эту несправедливость.

Ребенок приходил в десятилетку способным, талантливым, а выходил — гениальным виртуозом. В чем же секрет? Секрет — в самих людях, в педагогах, которые там работали и работают, многие положили всю свою жизнь на алтарь музыкальной педагогики. Для некоторых из них десятилетка стала не просто домом, она заменила им семью, для собственных учеников они стали не только наставниками, но любящими «родителями».



Класс Л.С. Ауэра. Крайняя справа — Л.М. Сигал

Одним из таких педагогов была Любовь Марковна Сигал. Прекрасная исполнительница, солистка, достойная представительница школы Ауэра, по классу которого она окончила консерваторию в 1917 году. У нее никогда не было своей семьи, во всех анкетах, которые ей когда-либо приходилось заполнять, в графе «семейное положение» она неизменно писала «одинокая», при этом всю свою материнскую заботу и любовь она отдавала ученикам, они были ее смыслом жизни. Впоследствии один из учеников — Яков Рябинков (будущий преподаватель консерватории) стал ее приемным сыном. Л.М. Сигал всегда занималась столько, сколько необходимо было ученику, и, если требовалось, она могла заниматься хоть каждый день (и не только в десятилетке, но и со своими студентами в консерватории) и всегда безвозмездно.

На тот момент, когда в десятилетку в класс к Л.М. Сигал поступил Б. Гутников, она имела репутацию лучшего детского педагога Ленинграда. Ежемесячно она читала лекции и знакомила педагогов районных школ, а также педагогов из разных уголков СССР со своими новыми «оригинальными и удивительно плодотворными» методическими принципами, над развитием и совершенствованием которых она постоянно работала. Ею даже были подготовлены и выпущены в печать «школа игры на скрипке», а также специальное методическое пособие для молодых преподавателей-скрипачей, в котором она изложила основные принципы работы. «Особенно ценна ее работа с детьми и по воспитанию молодых педагогов» — пишет газета «Музыкальные кадры» того времени. В то же время, а именно 2 июня 1939 года она защитила диссертацию на тему «Основ-

ные методические принципы построения учебного пособия для начинающих (детей) обучаться игре на скрипке» и получила степень кандидата искусствоведения.

Борис Гутников, как выдающийся скрипач, выпускник Ленинградской консерватории по классу профессора Эйдлина Ю.И., в книге посвященной 125-летию консерватории в статье «Начало пути» так вспоминает свои годы учения, и в первую очередь годы учения в школе-десятилетке: «В Ленинградскую консерваторию я поступил в 1949 году в класс Юлия Ильича Эйдлина — ученика прославленного профессора Петербургской консерватории Л.С. Ауэра. Этому событию предшествовал продолжительный период занятий в специальной музыкальной школе у Л.М. Сигал, также ауэровской ученицы. <...> Отлично помню, как кропотливо и настойчиво работали мы с ней над гаммами и этюдами. Причем Любовь Марковна умела так построить занятия, что овладение любым техническим навыком становилось увлекательным делом и не вызывало скуки. Этюды Крейцера, Роде, Донта, а позже — капризы Венявского и Паганини разучивались с большой тщательностью и непременно наизусть. На мой взгляд, это было очень важно, ведь лишь то, что осело в молодой памяти в надлежащем виде, становится для молодого скрипача подлинным приобретением. <...> Добросовестно штудировались сочинения Шпора, Виотти, Вьетана, Венявского, притом в редких случаях проходило лишь одно произведение любого из названных авторов: знакомство со стилем осуществлялось основательно, и педагоги не жалели ни времени, ни труда на то, чтобы многое выучить с нами и тем самым закрепить достигнутый результат. В итоге я сыграл из шпоровских концертов Второй, Седьмой, Девятый; Вьетана — Первый, Второй, Четвертый, Пятый; Венявского — оба концерта. Все это — “хлеб насущный” скрипача. Без такого репертуара невозможно сформировать хорошую школу игры».

Среди тех, кто начинал свой музыкальный путь у Л.М. Сигал можно выделить еще одного музыканта — «виртуоза Москвы» — Владимира Спивакова.

Правда, в отличие от Бориса Гутникова, он учился у Л.М. Сигал только до середины пятого класса, после чего, в связи со смертью Сигал, он

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА ДЕСЯТИЛЕТКА
Ленинградской Государственной ордена Ленина Консерватории
им. Римского-Корсакова

1953/54 учебный год

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА

имя ученика *Спивакова В.*
класс *Сигал*
класс *ф-кл. Сигал Л.М.*

Год рождения *1944 г.*
Год поступления в школу *1953 г.*
В каком классе учится *II кл.*

ОТЗЫВ ПРИЕМНОЙ КОМИССИИ
*Хорошие данные. Занят основательно
для зачисления в 8-й класс.*

4+

Личная карточка В. Спивакова
за 1953/54 гг. с экзаменационной
отметкой

был переведен в класс преподавателя Шера, а еще через полгода и вовсе перевелся в Москву в музыкальную школу-десятилетку при Московской Государственной консерватории.

Как странно иногда выходит — человек проживает целую жизнь, важную и нужную, быть может, совершает открытие, а что в итоге? Когда этот человек умирает и проходит время, довольно много времени — лишь единицы помнят о нем. А все, что остается в архивах — это некролог, и пара крохотных статей в давно пожелтевших от времени газетах. Несправедливость? Скорее закономерность жизни...

Подобно тому, как мы отдали дань уважения памяти Л.М. Сигал, можно было бы написать и о других педагогах, которые этого достойны: Лия Ильинична Зелихман, в классе которой учился Гриша Соколов: будучи еще учеником школы-десятилетки, он завоевал первую премию на конкурсе им. Чайковского; Виталий Михайлович Буяновский, в классе которого учился Серёжа Довгалюк, также лауреат международных конкурсов; Лев Израильевич Печерский, воспитавший целую плеяду блестящих исполнителей на фаготе. И это некоторые педагоги только одной школы. Но ведь кроме Десятилетки, по всей России есть еще тысячи музыкальных школ, в которых тоже спрятаны свои «сокровища»...

«Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель».

(Лев Толстой)

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Беседа с Ю.Ф. Назаровым (учеником Л.М. Сигал).
2. Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Т. 2. — Л.: Музыка, 1988.
3. Личные дела Л.М. Сигал, В. Спивакова и Б. Гутникова.
4. Музыкальная Академия, 2002. № 2.
5. Музыкальные кадры, 1956. № 3, № 4.
6. СПб ведомости, 21 декабря 2006.